рилла Туровского, повествовательная часть которых «нередко распадается на речи тех или иных персонажей», и автора «Слова о Лазаревом воскресении». Надо отметить, что в сочинениях Кирилла Туровского есть целый ряд выражений, близких «Слову о Лазаревом воскресении»: «Овчая купели жадаеши» («Слово о расслабленном»);[18] «...пастыри свиряюще веселием Христа хвалят» («Слово на антипасху»);[19] «Кацеми же плащаницами осию тя, повивающаго мглою землю и небо облакы покрывающаго! Или какы воня возлею на твое святое тело, ему же дары с вонями пьрстии принесеше цесари, яко богу покланяхуся» («Слово о снятии тела Христова с креста»).[20] Эти интересные факты ни в коей мере не свидетельствуют безоговорочно о творческом участии Кирилла Туровского в создании «Слова о Лазаревом воскресении», так как их можно объяснить общностью источников и рассматривать как общие явления стиля эпохи и жанра.

Интересно сопоставить «плач Адама» с сочинением Кирилла Туровского — его молитвой «В неделю по заутрени к господу нашему Исусу Христу».[21] При всем лексико-фразеологическом и жанровом сходстве этих двух молитв отчетливее выступает своеобразие «плача Адама». Приняв от ветхозаветного бога воздаяние за грехи, Адам просит христианского — о милосердии. В молитве Кирилла Туровского обращают на себя внимание несколько тем, очень близких «Слову на Лазарево воскресение»: тема славы бога, Христа, его воскресения и спасения «сущих во аде праведных»; тема пророков и праведников, страждущих в аду; наконец, сама исповедь молящегося «грешника», которая сопоставима с речью Адама к Лазарю и по назначению, и даже по отдельным выражениям.

Плач-молитва Адама из «Слова» сопоставима не только с произведением Кирилла Туровского. Она имеет свою традицию в древнерусской литературе — традицию лиро-эпических плачей, основывавшихся, с одной стороны, на устной причети, а с другой — на традиции библейско-византийской книжности.[22] По замечанию В. П. Адриановой-Перетц, связь содержания плачей с биографией оплакиваемого (речь идет о плаче в составе летописи) сближает их с народными причетями, «в которых наряду с горестной лирикой много эпического содержания».[23] В плаче-молитве Адама замечательно то, что это плач по себе самому и по тем, кто находится в равных обстоятельствах с оплакивающим, с Адамом. Одновременное ощущение себя и живущим, и умершим приходит, по-видимому, от того, что действие «Слова на Лазарево воскресение» разворачивается в аду, в преисподней, где земная жизнь нереальна, где время иное (это заметил уже И. Я. Франко), где законы жизни и смерти иные. Кажется, мы не найдем в древнерусской литературе другого произведения, где бы так своеобразно переплелись элементы мольбы, упрека, оплакивания и славословия.

Исполненный трагизма, напоминающий лирический плач монолог Адама мог восприниматься читателями на фоне широкого развития этой темы в византийской и русской литературе (широко известен плач Адама

---

[18] И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 334.
[19] Там же, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 416.
[20] Там же, стр. 422.
[21] Еп. Макарий. Св. Кирилл, епископ Туровский, как писатель. ИОРЯС, т. V, СПб., 1856, стр. 249—250.
[22] В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 135—180.
[23] Там же, стр. 138.